

Назад из будущего: ориентации акселерации

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. <...> Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем.

*Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Манифест Коммунистической партии*¹

Но каков же путь революции, если он есть? Уйти с мирового рынка? <...> Или же идти в противоположном направлении? То есть идти еще дальше в движении рынка, раскодирования и детерриторизации? Ведь, быть может, потоки еще недостаточно детерриторизованы, недостаточно раскодированы. <...> Не выходить из процесса, а идти дальше, «ускорять процесс», как говорил Ницше, — на самом деле таких примеров мы практически не видели.

*Жиль Делёз, Феликс Гваттари. Анти-Эдип*²

Монетаризация помечает становление-абстрактной материи, параллельное пластификации производительных сил, так что цены кодируют распределенные нарративы научной фантастики. Завтрашний день уже поступил в продажу — с постмодерном как софт-товаром, подрывающим модернистское подчинение интенсификации расширению и переключающим накопление в состояние непрерывного кризиса (продлеваемой критичности).

*Ник Ланд. Нет будущего*³

Как понимал еще Маркс, капитализм не способен проводить подлинное ускорение. Аналогичным образом восприятие левой политики в качестве антитезиса техносоциального ускорения тоже является (по крайней мере отчасти) грубейшей ошибкой. В действительности же, если у левой политики и есть будущее, то это будущее, в котором она максимально приемлет эту подавленную акселерационистскую тенденцию.

Алекс Уильямс, Ник Шрничек. Манифест акселерационистской политики

ЧАРОВАННОСТЬ левых мыслителей мотивом уско-рения простирается, как показывают вышеприведенные цитаты, от коммунистического манифеста Маркса и Энгельса через антиэдипальное нищестанство Делёза и Гваттари и апокалиптические детерриторирующие фантазии Ника Ланда вплоть до опубликованного летом 2013 года в интернете «Манифеста акселерационистской политики». Его авторы, выходцы из философской среды спекулятивного реализма Ник Шрничек и Алекс Уильямс, привнесли свежую струю в зачастую стерильный и находящийся в тупиковом положении дискурс левой политики, который удовлетворяется созерцательной локальностью или апокалиптическим волюнтаризмом.

Отсылая к Альберто Тоскано и Рэю Брассье, которые недавно снова ввели в дискуссию мифологический образ Прометея, можно говорить о своего рода *прометеевском* подходе. Он наконец избавляет популяризированный Аленом Бадью и Славоем Жижекком рационализм от децизионистских и волюнтаристических жестов (заклинания пустого события) и увязывает его вместо этого с разработками в области исторической науки, биологии и теории экономики. Акселерационизм, однако, выступает главным образом против разнообразных кардинальных пороков, присущих неторопливым и самодовольным левым: фетишизации базисных демократических процессов и связанных с ней ностальгических попыток восстановления утраченной подлинности.

Подобно рационалистическому крылу спекулятивного реализма, который изнуряет себя в прометеевском утверждении Просвещения посреди фолк-психологии, Шрничек и Уильямс обращаются против различных форм фолк-политики (таково загла-

Перевод с немецкого Александры Сербиной и Игоря Чубарова по изданию:
© *Avanessian A.* Einleitung // #Akzeleration / A. Avanessian (Hg.). В.: Merve, 2013. P. 7–15. Публикуется с любезного разрешения автора.

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Соч.: В 50 т. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 427.
2. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 378.
3. *Land N.* No Future // Idem. Fanged Noumena. Falmouth: Urbanomic, Sequence Press, 2011. P. 396.

вие их общего книжного проекта), фольклористического китча. Их полемика при этом отличается столь освежающей ясностью, что можно полагать, они справились бы со своими политическими, экономическими и философскими исследованиями скорее в берлинском Кройцберге, нежели в суровом Лондоне.

Капитализм по сути — необходимо констатировать это в пику любым волюнтаристским, децизионистским или коммунитаристским подходам — объект высокой абстракции. Как формы неолиберальной власти и управления, так и связанные с ними способы производства являются некоторым образом одновременно абстрактными и вездесущими, так что альтернативный политический субъект можно помыслить только на соответствующем уровне сложности и абстракции.

Вместо пятащегося замедления сегодня прогрессивной политической мыслью и действием востребована эпистемологическая акселерация: без соответствующей когнитивной карты (*cognitive mapping*) на уровне научного, технологического и медиального положения вещей политическое действие невозможно. В противном случае можно было бы перепутать политику с тем, что, согласно Рансьеру, полемически следует понимать скорее как правительственное администрирование или полицейские практики.

В основе любой акселерационистской мысли лежит оценка, что противоречиям (капитализма) необходимо противопоставить их же обострение: с одной стороны, цинического доверия к *politique du pire*, а с другой стороны, идеалистического упования на то, что интенсификация кризисных феноменов капитализма в современном неолиберализме — по модели двойной негации — могла бы привести к снятию его внутренних противоречий и даже к его взрыву. Однако ориентированная на будущее политика ускорения, как утверждают авторы манифеста, делает возможными поистине прогрессивные мысль и действие и открывает спекулятивный взгляд на будущие политические системы.

Понятие будущего — в центре дебатов за и против акселерационизма, так как различные (между делом и философские, связанные с понятием времени) дискуссии показывают, что полемика вокруг истории и будущего для акселерационизма продолжается и долго еще будет оставаться открытой.

Связующим звеном этих трех (а если принять во внимание Маркса, то четырех) фаз акселерационизма, упомянутых авторами в эпиграфе, служит воля к будущему, тяга к нему, которая в ситуации актуального акселерационизма направлена против бессилия воображения и негативизма движения *Оссиру*. «Капитали-

стический реализм» Марка Фишера обязывает к срочному поиску альтернативных направлений и соответствующей мысли на второй космической скорости (*escape velocities*), соотнося название проведенного в ноябре 2013 года в Нью-Йорке симпозиума с повесткой акселерационизма.

К этому же повороту в сторону будущего относится прочитанный десять лет назад доклад убежденного сторонника спекулятивного реализма Ника Ланда⁴, который — по следам своих недавних публикаций — подозревается в неолиберальном обскурантизме. В докладе говорится — вполне в духе Маркса, — что само время следует по пути капитализма. Упрек Ланда в адрес «трансцендентального мизерабилизма» Франкфуртской школы, в рамках которой стигматизируется время, а вместе с ним и будущее, относится к пораженческому допущению, будто бы капитализм опережает всех конкурентов в области инноваций и прогресса. В этом Ланд видит недостаток политического воображения, который в конечном итоге делает политическое действие, как представляется, не только невозможным, но и излишним.

Однако Шрничек и Уильямс справедливо упрекнули Ланда в том, что с точки зрения политики времени и философии времени автор недостаточно различил понятия неолиберальной скорости и акселерации. В свою очередь, спровоцированное против них возражение Бенджамина Нойса, который в книге 2010 года «Упорство негативности»⁵ ввел понятие акселерационизма в политическое поле, выразилось также в двойном направлении (удара): во-первых, манифест там, где он предъявляет конкретные требования (формирование интеллектуальной инфраструктуры, радикальная реформа медиа и т.д.), отходит от предпосылок акселерационизма и скорее напоминает грамшианскую модель гегемонии; во-вторых, под вопросом остается реальная возможность побороть капитализм его собственным оружием в виде нарастающей динамики и ускорения.

Аналогично Франко Бифо Берарди выражает сомнения в силе воздействия и содержания политики акселерационизма. В духе итальянского постопераизма (наряду с Бифо здесь можно упомянуть Маурицио Лаццарато, Кристиана Марацци, Антонио Негри и Паоло Вирно), выдвигающего на первый план нематериаль-

4. Его оригинальную версию можно найти в: *Idem. Critique of Transcendental Miserablism*// *Idem. Fanged Noumena*. L.: Urbanomic; N.Y.: Sequence Press, 2011. P. 263–628.

5. См.: *Noys B. The Persistence of the Negative: A Critique of Contemporary Continental Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.

ный труд в области когнитивного капитализма, Бифо указывает на то, что власть капитала никоим образом не зависит от стабильности. Квазиимманентная политическая стратегия акселерационизма, следовательно, парадоксальным образом основана на «специфической интерпретации утверждения Бодрийера... согласно которому единственно возможная стратегия *катастрофична*, а не диалектична». В этом есть элемент парадоксальности, поскольку современный политический акселерационизм выступает как против слепого опьянения скоростью Ника Ланда, так и против того, что можно назвать постмодернистским дромонигилизмом (*Dromonihilismus*) — будь то в форме неолиберальных фантазий о скорости или в форме тенденциозных фантазий об исходе, как их определял Поль Вирилио.

Попытку соединить акселерационизм с подходами раннего операизма предпринимает Маттео Пасквинелли, автор книги «Животные духи. Бестиарий обыденного»⁶. Он радикализирует и реконтекстуализирует функцию абстрактного для анализа современного капитализма и особо подчеркивает трансформативный потенциал акселерационизма для возможности также помыслить развитие эпистемологического ускорения.

Патриция МакКормак, опубликовавшая работы по темам синемазохизма, некросексуальности и постчеловеческой этики, принимает недавно выдвинутый Стивеном Шавиро тезис, развивает акселерационистскую эстетику. Учитывая «истощение настоящего», МакКормак обращается к теме «настоящего будущего», чтобы определить возможности, с помощью которых акселерационизм смог бы сказать что-то новое, противостоящие капиталистическому исчерпанию настоящего: акселерационистский образ мыслей соответствует, согласно автору, как раз неощутимому космическому, имманентному будущему.

Если выделить три измерения времени, то можно со ссылкой на анализ Резы Негарестани в рамках вышеупомянутого симпозиума в Нью-Йорке назвать три категории недостижимой политической темпоральности:

- в отношении прошлого это политическая ностальгия, которая может объяснить разрыв со ставшим невыносимым настоящим только на языке изношенных паттернов прошлых революций;
- в отношении настоящего это недалновидный акционизм;

6. См.: *Pasquinelli M. Animal Spirits: A Bestiary of the Commons*. Rotterdam: NAi Publishers / Institute of Network Cultures, 2008.

- в отношении будущего это забывшая мир политическая эсхатология.

Каким образом, однако, можно было бы иначе помыслить будущее, настоящее, прошлое в рекурсивном отношении друг к другу помимо рефлексивного и метарефлексивного? Эти вопросы находятся в фокусе моей статьи, где нарциссической мечтательности (стремительно распространяющейся в эстетизирующемся университете и академизирующемся мире искусства, да и не только там), а также перманентным и парализующим критическим саморефлексивным эксцессам противопоставлена «рекурсия». Как можно избежать никуда и ни к чему новому не ведущей метарефлексии критики, критицизма (*critique*) и критичности (*criticality*)? Какая скорость отрыва (*Fluchtgeschwindigkeit*) потребуется, чтобы вырваться из гегемонической мыслительной модели критической рефлексии, в рамках которой все некритическое приговаривается к мнимой безальтернативности (помимо, конечно, собственного критического подхода)?

Акселерационизм устремлен в будущее. Не столько назад в будущее, как пишет Бенджамин Нойс, сколько назад из будущего. Ведь современность лишь тогда сохраняет свою контингентность и открытость, когда ее можно охватить взглядом из некоего набрасываемого будущего. Сегодня настает время для предвосхищений и ускорений, эпоха противопоставления современному катастрофизму некоей альтернативы. Наступил момент для своего рода смены времен. Для акселерационизма и анастрофизма (*anastrophismus*).

Армен Аванесян

www.spekulative-poetik.de